

Агнеш ДУККОН

**ВЕНГЕРСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ДОСТОЕВСКОГО ДО 1920-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО МОДЕРНИЗМА**

**Hungarian Reception of Dostoevsky until 1920th in the Context of European
and Hungarian Modernism**

Abstract

This paper deals with the questions Dostoevsky's reception in Hungary in the last decades of the 19th and in the first two decades of the 20th centuries. The author investigates the growing interest towards Dostoevsky in the context of the new tendencies of the art and literature and gives a detailed survey of the most characteristic reactions (i.e. reviews, studies, introductions to the books) about the new translations and editions of Dostoevsky's works. Among the most relevant questions are treated the stereotypes about Russian culture and people, living in Hungary through the past centuries, the various interpretations of the *Crime and Punishment* and some comparative aspects in the analysis of this novel.

Keywords: *Dostoevsky, Hungarian reception, Russian culture, Crime and Punishment, stereotypes, Hamlet, Raskolnikov*

Ранний этап восприятия: последние десятилетия XIX века – новые ориентации и веяния в культуре

Венгерская исследовательница русско-венгерских литературных связей, Жужанна Зельдхейи-Деак в своей книге посвящает целую главу новым тенденциям в венгерской литературе, которые определили и восприятие русской литературы. Она характеризует положение венгерской культуры 1870–1880-х гг. с следующими словами:

«В 1870-е и особенно 1880-е годы начинается новый период восприятия русской литературы в Венгрии. [...] Новое поколение желает наладить более тесные связи с западными литературами [...], и при этом они обращают большое внимание и на русскую литературу, особенно на современную русскую прозу. В 1880-е годы уже появляются переводчики, владеющие русским языком, но всё ещё большую роль играют немецкие и французские переводы-посредники.» [ЗЕЛЬДХЕЙИ-ДЕАК 2004: 81]

Таким образом почва была подготовлена для рецепции Достоевского, хотя популярность Тургенева ещё в полном свете сияла на горизонте венгерской интеллигенции. Как выше цитировалось, представители молодого поколения литераторов уже стремились ближе познакомиться с новыми веяниями и идеями европейской культуры, и в первых переводах Достоевского они предугадывали оригинальность и новизну поэтики писателя. В этот ранний период

рецепции еще нет таких глубоких и оригинальных философских и эстетических анализов, какие появляются в 1920-е г. и позже, но тем не менее у некоторых авторов обнаруживаются самостоятельные мысли, правильное понимание главных проблем романов.

Первая часть настоящей статьи в хронологическом порядке рассматривает содержание рецензий, предисловий и критик, появившихся в венгерских периодических изданиях и к переводам произведений Достоевского до начала XX века, чтобы выявить разнообразие восприятия, да и общие мотивы и переключки во взглядах авторов. Мы стараемся указать на типичные черты ранней рецепции Достоевского, в том числе, например, на роль стереотипов в трактовке русской культуры и влияние иностранной (прежде всего немецкой) критической литературы на венгерских авторов. На этом фоне станут видными и оригинальные точки зрения рецензентов.

В 1879 г. появилось краткое предисловие к публикации венгерского перевода «Кроткой» (*A szerény asszony*) Достоевского в газете *Vasárnapi újság* (Воскресенская газета), имя автора не указано. В предисловии подчеркивается новизна книги: эта повесть является первым произведением Достоевского, переведенным на венгерский язык. Даже имя писателя может оказаться для венгерских читателей совсем неизвестным. В статье упоминается роман «Братья Карамазовы», выходящий в номерах «Вестника Европы» как новейшее произведение писателя, которого автор считает – вместе с Тургеневым и Л. Толстым – самым значительным русским писателем настоящего времени. Говорится и о мастерстве Достоевского анализировать и показать глубокие и сложные процессы человеческой души.

Более содержательная статья принадлежит перу Тамашу Сана (*Szana Tamás*) в газете *Nemzet* (Народ) за 1885 г. под заглавием «Достоевский» (*Dosztójevszkij*). Тамаш Сана (1844–1904) – эстет, критик, искусствовед, сотрудник нескольких журналов, на страницах которых он выступает представителем оппозиционной литературы против академизма. Он написал статьи об «Онегине» (1871, 1879), о «Войне и мире» Л. Толстого (1870) и рецензию об «Униженных и оскорбленных» Достоевского. Сана рецензирует роман, появившийся на венгерском языке в переводе Белы Й. Фаи (*Fái J. Béla*) у издательства братьев Реваи под заглавием «Страдающие». В рецензии подчеркивается, что в Венгрии в последнее время пробудился большой интерес к русским писателям. После французских авторов они стали самыми популярными из современной мировой литературы. Сана называет Тургенева, Гоголя и Владимира Соллогуба, как самых известных русских писателей перед венгерской читательской публикой. Этот спектр – пишет Сана – теперь обогащается с новым именем, а именно с Достоевским, произведения которого до сих пор были в Венгрии мало известны; лишь некоторые повести и рассказы появились в литературных газетах. Сана называет Достоевского «знаменитым социалистом и агитатором» – это указывает на то, что он имеет сравнительно мало информации о биографии писателя. 1840-е годы, идеи французского утопического социализма в круге Петрашевского, арест и наказание членов (в том числе и

Достоевского) стали общеизвестными в Европе, но более подробные факты о жизни писателя в это время еще не дошли до венгерских литераторов. Автор статьи именно в этом социальном ключе трактует роман «Униженные и оскорбленные», высоко оценивая мастерство Достоевского в создании верных, психологически точно и реально изображенных характеров. Критик сравнивает творческий метод Достоевского с поэтикой Золи: французский писатель часто преувеличивает пошлости жизни, употребляет слишком яркие краски в разоблачении общественного зла, а Достоевский умеет показать более богатые оттенки и более полную картину жизни в «Страдающих», без натуралистических мелочей.

Знаменитый фольклорист, Шандор Шоймоши (Solymossy Sándor 1864–1945), профессор Будапештского Университета, член Венгерской Академии Наук, исследователь различных жанров устного поэтического творчества (сказок, баллад и др.) в 1888 опубликовал рецензию о «Преступлении и наказании» в «Столичной Газете» (*Fővárosi Lapok*) [SOLYMOSSY 1888/308: 2257–2260]. Интерес к русской литературе и позже остался у него, в следующие годы он написал статьи о Максиме Горьком (1903) и о русской литературной жизни (1895).

В начале рецензии автор устанавливает: в венгерской публицистике часто повторяется мнение, что в Европе в последнее время возрос интерес к русской литературе. Пока недавно знали еще несколько выдающихся поэтов и писателей, в том числе Пушкина, Лермонтова и Гоголя, то с конца 1870-х гг. стали появляться новые переводы и новые авторы. Шоймоши приветствует это положительное явление, говорит о том, что Запад лишь в последние десятилетия открывает себе богатство русской культуры. Он повторяет и те отрицательные стереотипы о России, которые были в обиходе на Западе с давних времен: тиранство и дикие нравы в высших кругах общества, тупость, суеверие и фанатизм в народе. Но высокий уровень литературы свидетельствует и о том, что в России должна существовать такая почва, из которой могли вырасти гениальные творители, высказывающие «новое слово» для Европы.

Экскурс: Об исторических корнях стереотипов

Надо заметить, что подобная негативная пропаганда о русском царстве появилась уже в XVI веке: австрийский дипломат, барон Сигизмунд Герберштейн (Sigismund Herberstein, 1486–1566) совершил две поездки в Московское Государство в 1517 и 1526 г., с трудным поручением посредничества в заключении русско-польского перемирия. После возвращения на родину он составил и издал книгу *Rerum moscoviticarum commentarii* (HERBERSTEIN 1549) из своих путевых записок, в которой рисовал подробную и в некоторых отношениях предвзятую картину о жизни и «диких» обычаях народа, о грубости нравов. Однако он и сообщил интересные географические, исторические и этнографические сведения с гравюрами на дереве, подробно описал православную религию и литургию. Книга Герберштейна была издана много раз еще в XVI веке на латинском, немецком, итальянском, английском и чешском языках, и остались известны и

использованы по Европе, в том числе и в Венгерском Королевстве.¹ Одно интересное отражение этой известности мы обнаружили в календаре за 1631 год венгерско-немецкого ученого-полигистора, Давида Фрелиха (1595–1648), издававшего календари на немецком, латинском, венгерском и чешском языках в разных типографиях Силезии и Венгерского Королевства [ДУККОН 1998: 251–264]. В его календарном обзоре повторяются известные из книги Герберштейна сведения и стереотипы о России [FRÖLICH 1631]. Другое появление влияния распространенных отрицательных мнений о русских можно обнаружить у знаменитого венгерского поэта и полководца, Миклоша Зриньи (Zrínyi Miklós 1620–1664). Он имел книгу Герберштейна в своей библиотеке, и характеристику русских мог черпать из нее. В своем трактате „Az török áfium ellen való orvosság” (Целебное средство против турецкого дурмана, 1660) Зриньи характеризовал русских с такими эпитетами, которые стали известны (почти как крылатые слова) по книге Герберштейна: народ грубый, российская политика глупая, правление тираническое, военное искусство русских «никудашное». По этим причинам он считал нелепостью прибегать за помощь к русским в освободительной борьбе от турецкой власти. [ZRINYI 1985: 213]

Пятьдесят лет позже это негативное мнение диаметрально противоположно изменилось – по крайней мере опять в календарной пропаганде (т. к. в XVII–XVIII веках эти популярные издания исполняли и роль газет и журналов). В календаре за 1711, изданном в венгерском городе Комаром, было опубликовано подробное сообщение о Петре I и о русско-турецкой войне, в котором положительно оцениваются политические и культурные устремления русского царя [Ujj Kalendarium 1711: E₆b]. Это изменение взглядов вытекало из политических интересов и целей: Россия была нужна Габсбургской Империи в борьбе против турецкой власти, и после вхождения России в Святую Лигу в конце XVII века начали появляться в западной прессе несколько положительно настроенные известия. [BLOME 2000: 161–176, ДУККОН 2006: 45–48]

В XIX-м веке исторические и политические отношения также определяли мнения венгров о Российской Империи и вообще, о русской культуре. «Общезападные» суждения дополнялись с взглядами маркиза де Кюстена и русских эмигрантов (Герцена, Огарева), оказавшими влияние также на венгерскую рецепцию русской культуры. Еще добавляется к этому общее настроение Европы по поводу русско-турецкой войны: «в это время немецко-русские, а также русско-австро-венгерские отношения стали враждебными, ведь Монархия желала поражения России.» [ЗЁЛЬДХЕЙИ-ДЕАК 2004: 72] В эти же десятилетия и слово *нигилизм* все чаще появляется в венгерской прессе, сначала в отрицательном смысле, ибо сведения черпались из немецких источников, работы Альфонза Туна были доступны и по-венгерски, а несколько позже, под влиянием французских интерпретаций, появились и более доброжелательные мнения [THUN 1884]. Но общее восприятие нигилизма в венгерском обществе осталось всё-

¹ Первые русские переводы появились в XVIII веке (1748, 1784), с XIX века издавались новые переводы (напр. 1866), новейшие: в 1988, 2008.

таки отрицательным, как об этом свидетельствует и „*A jövő század regénye*” (Роман будущего столетия, 1873) Мора Йокаи. В утопии венгерского писателя русский нигилизм выступает угрожающей для всей Европы опасностью, против которой всеми силами нужно бороться. Йокаи относился к русской культуре не односторонно, он использовал к роману много различных источников о русских, любил поэзию Пушкина и Лермонтова, читал их произведения в немецком переводе Боденштедта, но радикальные идеи и движения были для него неприемлемы.

В этом процессе значительный переворот принесло отмежевание литературы от актуальных политических событий: как мы видим в статье Шоймоши, открылось ему богатство русской культуры и появилось сильное желание как можно больше узнать ее. В статье Шоймоши чувствуется, что он обладает лишь поверхностной информацией о русской культуре, повторяет общие места (напр. низкий уровень науки, некультурность русского народа и т. д.), но отдает должное «новой» литературе, «новым» гениальным писателям, в том числе Достоевскому. В Венгрии считали его «новым», так как первый перевод из его творчества вышел лишь в 1879 г. («Кроткая») – два года перед смертью писателя. Автор рецензии с похвальными словами пишет о романе «Преступление и наказание». Первое венгерское издание, перевод Эндре Сабо получил название «Раскольников» – по всей вероятности, под влиянием первого немецкого перевода [DOSTOJEWSKI 1882].

Шоймоши кратко пересказывает содержание, говорит о биографии писателя, и смысл романа понимает и анализирует в ключе общественно-философских проблем. Он уделяет особенное внимание идее и личности Раскольникова, а также внутренним терзаниям совести, и высоко оценивает реалистическое изображение петербургской жизни. В конце статьи выражает желание увидеть и роман «Записки из мертвого дома» в венгерском переводе. По видимому, Шоймоши читал его по немецки, и предлагал Эндре Сабо² перевести на венгерский язык [ЗЕЛЬДХЕЙИ-ДЕАК 2004: 72].

В 1889 г. появилась краткая рецензия о романе «Игрок» в газете *Fővárosi Lapok* («Столичная газета»), имя автора не указано. В статье выдвигается на первый план мастерство изображения болезненной страсти к азартной игре и психологического анализа персонажей, подчеркивается и общественная критика в романе. Автор считает все эти проблемы актуальными и в венгерском обществе, по его мнению роман может служить зеркалом для «одержимых» разными пагубными страстями.

Следующий отклик о романе «Преступление и наказание» вышел на свет в журнале *Magyar Szemle* (Венгерское обозрение) в 1897, это – статья «Раскольников» Шандора Хевеши (Hevesi Sándor).

Шандор Хевеши (1873–1939) был известным писателем и драматургом, с 1923 директором Национального Театра. Как режиссёр и директор театра, он

² Эндре Сабо был одним из первых переводчиков, который переводил русские произведения из оригинального.

совершил значительный переворот и обновление в венгерском театральном искусстве на рубеже двух веков. Он поставил на сцену «Ревизора» (1915) и «Женюха» (1923) Гоголя в собственном переводе, обе комедии имели большой успех в Национальном Театре. Хевеши считает роман Достоевского уникальным в современной литературе: как он утверждает, реализм русского писателя выше и сильнее, чем реализм и натурализм Золи, а эпическое полотно интереснее, лучше, чем у Додэ (Daudet). Пока Золя создает лишь статистику, Достоевский творит поэзию – пишет он. Интересно заметить, что в Венгрии в последние десятилетия XIX века интеллигенция параллельно читала и сравнивала друг с другом западноевропейскую и русскую литературу, и из этого соревнования почти всегда вышла победителем русская литература. Писатель Жигмонд Йушт (Justh Zsigmond 1863–1894), например, очень высоко ценил искусство Тургенева, Толстого и Достоевского, он познакомился с их произведениями в Франции. Хотя он и отлично знал современных английских и французских писателей, художников, был знаком с некоторыми представителями парижского художественного мира 1880-х г., но русские авторы, особенно Тургенев, оказали на него более сильное влияние. В начале 1890-х гг. он даже посетил виллы Виардо и Тургенева в Буживале, о впечатлениях подробно пишет в своем дневнике [JUSTH 1977: 304–309]. В творчестве и жизнеощущении Йушта уже можно уловить знаки новых духовных течений, напр. декадентства, сецессиона (стиль модерн); понимание и восприятие русских писателей оттеняется у него с этими моментами.

Возвращаясь к статье Хевеши, стоит подчеркнуть его оригинальную мысль сравнивать «преступление» Ореста, героя трагедии Эсхила, Гамлета Шекспира и Раскольникова. По усмотрению автора, после нарушения морального закона героями, видны три разных процесса угрызения совести. Орест вынужден был убивать под обязанностью мести, наложенной на него богами, следуя древнейшей традиции; Гамлет совершил убийство ради правосудия, а Раскольников – современный человек – убивал «для себя», т. е. по теории, совершив философский эксперимент с собственной совестью. Ореста преследуют Эринии, богини угрызения совести после казни своей матери и ее любовника. Гамлет до совершения мести уже страдает от ясного сознания неизбежного преступления, значит, обоих героев вынуждает к поступку какая-то внешняя причина – по крайней мере им воспринятой «высшей», «неизбежной». В греческой трагедии это – долг мести, коренившийся в божественном, трансцендентном законе. Положение Гамлета является более сложным: его принуждает к мести призрак отца, но для христианина не может быть оправданным никакого такого человеческого «правосудия». Гамлет по-своему интерпретирует появление призрака, будто из его подсознательного вдруг пробивался древний закон «око за око, и зуб за зуб» [Мф 5:38–39], отодвигая на задний план новый, христианский закон, отречение от мести. Раскольников после убийства неминуемо испытывает внутреннюю раздвоенность из-за бессмысленного эксперимента. Тут не было никакого высшего принуждения, ни подсознательного искушения, герой Достоевского совершил индивидуальный и свободный

поступок. (Добавим: писатель гениально показывает в романе, что никакой рационализм не защищает человека от демонов собственной души, одержимой идеей «если нет Бога, все позволено». «Свободная воля» попадет в плен злых сил – «не рассудок, так бес», говорит про себя Раскольников, когда увидит топор в дворницкой.) Хевеши видит в душевных терзаниях героя Достоевского трагизм современного человека: ложные теории и неправильное толкование «разумного эгоизма» и «свободы» опровергаются лишь с ценой преступления. Больная, страдающая совесть – уже на каторге – приводит его к раскаянию и перспективе воскресения. Вывод автора статьи: наказание, бичь каждый преступник носит в собственном сердце. В дальнейшем в статье разбираются ключевые моменты романа, автора особенно занимают разговоры Порфирия Петровича с Раскольниковым. По его мнению, в этих сценах разоблачается весь трагизм Раскольникова. Хевеши характеризует и других важных персонажей романа, подробнее образы Разумихина и Сони. В конце статьи он суммирует свои мысли, и оставаясь на плоскости Эпилога, устанавливает, что «роман Достоевского проповедует очищающую силу евангельской любви» [HEVESI 1897: 388]. Важно заметить, что в подходе автора к роману Достоевского отражается мышление драматурга: его внимание больше всего привлекает внутренняя борьба и трагичность героя – не случайно нашел параллели в таких мировых образах драматических произведений, как Орест и Гамлет.

«Шекспировская» аналогия в связи с Достоевским появляется и в эссе другого автора, Шандора Броди (Bródy Sándor, 1863–1924), писателя, журналиста, одного из влиятельнейших представителей венгерской литературы рубежа двух веков. Он был и вдохновителем новой литературной и художественной программы писательского круга журнала *Nyugat* (Ньюгат = Запад). Броди стремился в своих произведениях сливать натурализм и романтизм, используя опыт французской и русской литературы. Кроме статей о русской литературе, он переводил пьесу Арцыбашева «Страдающие» (1918). В эссе „Az orosz Shakespeare” (Русский Шекспир) Броди называет Достоевского «Шекспиром Севера», и романы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» – библиями писательского мастерства [BRÓDY 1900: 111]. Он указывает на разнообразие характеров, на то, что каждый из них представляет собой самостоятельный голос. Поэтическая ценность романа состоит в *способе* созидания образов. По усмотрению Броди истинный писатель необходимо должен быть истинным патриотом, но не в смысле пропаганды или политической агитации, а по внутренним убеждениям. Как Бальзак не мог быть иным, как французом, выразителем эссенции, сущности французского духа, так и Достоевский стал представителем и выразителем духа своего народа, самой сущности своей родины. Броди ссылается на «Пушкинскую речь», в которой выражается кредо писателя, его приверженность родине, мечта о призвании России в продвижении человеческой цивилизации.

В 1904 г. появилось новое венгерское издание «Преступления и наказания» в переводе Эндре Сабо, уже с русского языка, и предисловие под заглавием «Достоевский» написал литературовед, критик и писатель, Геза Войнович

(Voivovich Géza, 1877–1952). Между 1914–1944 он был главным редактором журнала „*Budapesti Szemle*” (Будапештского Обозрения), в 1935–49 гг. главным секретарем Венгерской Академии Наук. Войнович редактировал и серию «Классические романы», и писал предисловия к некоторым изданиям, в том числе и к русским романам.

В введении к «Преступлению и наказанию» автор сосредоточивает мысли на психологическом анализе персонажей. Он обращает внимание на то, что писателя интересует больше всего человек, у него очень мало описаний природы; окружения героев (городские сцены, площади и улицы) изображаются лишь в той мере, в какой они нужны к освещению характера и поступков главных фигур. Это свойство поэтики Достоевского Войнович сравнивает с методом живописцев Ренессанса: художник работает всегда на таком пространстве полотна, какое именно нужно для изображаемой фигуры. Так и у Достоевского, мы видим лишь тот узкий круг, самое минимальное окружение, в котором действует герой. Автор еще устанавливает, что фигуры Достоевского являются скорее героями намерения, а не поступка. Он ссылается на мнение Мережковского, когда пишет, что в некоторых частях романов Достоевского так тесно переплетаются искусство и наука, что нельзя их разделить друг от друга. Именно в психологическом анализе души, в показе подсознательных сфер можно проследить эту связь между наукой и искусством, и автор упоминает первый сон Раскольникова как пример мастерства изображения.

Первые десятилетия XX века: под эгидой новых направлений литературы и искусства

С первого десятилетия XX века в венгерской культуре все определеннее чувствуется дух обновления: в 1908 был основан новый литературный журнал *Nyugat* («Ньюгат», 1908–1941), который стал главным форумом радикальных стремлений нового поколения, и даже дата первого появления стала символом нового периода венгерской литературы. В редакции принимали участие самые значительные поэты и литераторы, ставшие потом классиками (среди них Михай Бабич, Дежьё Костолани, Жигмонд Мориц, Дьюла Ийеш), опубликовались стихотворения крупного поэта Эндре Ади (1877–1919), общественный и политический радикализм которого сообщил динамизм литературной жизни (между прочим, он тоже интересовался русской литературой, посвятил стихотворения Пушкину и написал статьи о Тургеневе). Именно в это время разворачиваются в искусстве и литературе разнообразные течения и направления, стиль модерн и авангардные стремления, например, экспрессионизм Лайоша Кашшака (1887–1967). В 1920-30-е годы Кашшак опубликовал эссе и статьи о берлинской выставке русских художников, среди них о Малевиче, Татлине, Родченко (1922), о романе «Дело Артамоновых» (1926), о Маяковском (1930), В. Катаеве, М. Шолохове (1935) и о Достоевском (1936), но анализ этой статьи уже выходит за рамки данного периода рецепции.

Противоборствующие тенденции, как западная и восточная ориентации в культуре, находят выражение в разных журналах, параллельно

с «Ньюгатом», стараясь уравнивать односторонность влияний. В это время стал выходить и *Napkelet* («Восток», 1923–1940), считавшийся тоже авторитетным литературным и критическим форумом. Оба журнала имели определяющее влияние на формирование мыслей и вкуса венгерской интеллигенции. Между этими полюсами существовало еще много различных периодических изданий, в которых одинаково публиковались отклики, рецензии, и даже очень основательные анализы о русской литературе. Интересно заметить, что популярность Льва Толстого в Венгрии доходит до своего апогея в первые десятилетия XX века, а Достоевский и Чехов возбуждают сильный интерес венгерских читателей несколько позже, в 1920–30-е годы – хотя, конечно, как и первая часть нашего исследования доказывает, интерес к их творчеству обозначался еще в 1880-е годы [ДУККОН 2021a: 197–207.] Чехова также начали переводить на венгерский язык с конца 1880-х гг. А с первого десятилетия XX века выходят на свет собрания сочинений Достоевского и Чехова на венгерском языке, и доступ к полному творчеству обоих писателей способствует и развитию критического восприятия. Не только литераторы, но и философы, психологи и богословы посвящают серьезные анализы произведениям русских авторов [ДУККОН 2007: 87–94].

Второе десятилетие XX века заканчивалось для Венгрии трагично: поражение и распад Австро-Венгерской Монархии в Первой мировой войне, потом хаотичное время Венгерской Советской Республики и ее поражение (с 21 марта до 1 августа 1919-го года, «красный террор», потом «белый террор»), и наконец Трианонский договор (4 июня 1920) ввергли страну в глубокую беду. Несмотря на послевоенные тяжелые годы, на чувство позора и отчаяния из-за несправедливого («диктата») мира, в культуре пробудились новые духовные силы, в области литературы, изобразительного искусства, музыки и науки появились гениальные творцы, развертывались значительные инициативы, зарождались новые журналы и книгоиздательства [ДУККОН 2021b: 262–280]. На этом фоне произошло в Венгрии настоящее восприятие двух великих русских писателей, Достоевского и Чехова.

На нижеследующих страницах мы показываем несколько интересных примеров рецепции русской литературы этого периода.

В 1907 г. поэт, прозаик и критик Дежьё Костолани (1885–1936) опубликовал в газете *Budapesti Napló* («Будапештский Дневник») театральную критику под псевдонимом Lehotay/Лехотаи об адаптации и постановлении на сцену романа Достоевского «Преступление и наказание». Заглавие пьесы – «Раскольников» одновременно указывает на первый венгерский перевод и на концепцию драматурга, поставить героя Достоевского в центр пьесы. После краткого изложения сюжета Костолани выражает сомнение в удачности предприятия сделать из такого сложного, глубокого романа пьесу, потому что именно богатство оттенков, глубина мыслей потеряется. Однако он признает, что эта проблема существует лишь для таких зрителей, которые прежде уже читали роман и получили определяющее впечатление о полном мире произведения. Костолани критикует и концепцию драматурга, который интерпретирует

поступок Раскольникова в ключе нитшеанской морали, т. е. выявить право сильного человека переступить границы.

Эссе, критики и рецензии о русской литературе Костолани начал опубликовывать еще в раннем периоде творчества, в это время возник у него особенный интерес и к русской драме. Несколько позже, в 1922 г. он перевел пьесу Чехова «Три сестры» при помощи немецкого посредника [ZÁGONYI 1982: 76–91]. В последствии он сообщил эссе и статьи о Пушкине, Тургеневе, Достоевском и театральные критики о постановках на сцене чеховских драм в будапештских театрах. Он издал антологию «Современные поэты» (1914), в которой включил и переводы стихотворений русских поэтов – от Пушкина, Лермонтова, Фета, Фофанова, Блока и Ф. Сологуба. В 1921 г. Костолани опубликовал статью в журнале «Ньюгат» о романе «Степанчиково и его обитатели» (перевод Золтана Трочани). Поэта занимает почти исключительно образ Фомы, которого называет «русским Тартюффом». Еще ассоциирует он эту фигуру с образом Яго; как он пишет: Шекспир в своей фигуре показывает могучесть и абсурдность зла, а Достоевский доводит характер Фомы до абсурдной смешности. Костолани подчеркивает и фантастичность этого характера. Заключение эссе достойно перу поэта: «Юмор Достоевского – это радуга на безнадежном, зимнем небе...смех ночи» [KOSZTOLÁNYI 1921: 82–84].

Статья «Достоевский» эссеиста и критика, Микшы Феньё³ появилась в апрельском номере журнала «Ньюгат» за 1919 год – значит сразу после образования Венгерской Советской Республики –, и содержание носит на себе настроение времени. Автор в полемическом тоне защищает мысль, что Достоевский лучше выражает стремления и характер коммунистической культуры, чем, например, Горький – который, может быть, актуально и политически стоит ближе к культуре коммунизма, но пророчество Достоевского, универсализм его мыслей более органично согласуются с идеалом коммунизма. Феньё цитирует взгляд Мережковского, что настоящий смысл пророчества остается скрытым и перед самим писателем, как это часто бывает у пророков: он мечтал о теократии, в которой нет больше границ, потому что всеобщая, универсальная вера и любовь стирает их, и соединяет все человечество. В этом пророчестве – по мнению автора статьи – скрывается и идеал русской революции. Те социалистические идеи, которые теперь по всему миру распространяются, уже появились в горячих мечтах «маленьких», «униженных», «смешных» и «бедных» людей Достоевского. Феньё возражает против мнения полуобразованных критиков, осуждающих «национализм» и православие Достоевского: он утверждает, что коммунистическая культура и не может желать себе гениальнейшего, благороднейшего гения, чем Достоевский, но надо иметь в виду

³ Микша Феньё (1877–1972), критик, эссеист, автор политических и экономических произведений. В 1908 г. он принадлежал к основателям «Ньюгат»-а, потом стал редактором и главным сотрудником журнала. Его публицистическая и организаторская деятельность в большой мере способствовала разрыванию современной венгерской литературы.

целого человека и его дух в целом, без мелочных, недобросовестных взвешиваний его отдельных высказываний насчет призвания русского народа. Критик считает опасным стирание границы между политической агитацией и искусством, ведь таким образом можно испортить культуру, возвеличить бесталанных, партийных «художников» и подавить истинных талантов. (Увы, предостережение Феньё напрасно прозвучало в самом начале эксперимента сотворения коммунистической культуры, в Венгрии с 1949, а в Советском Союзе сразу после 1917 совершилось именно это опасное заблуждение.)

В этом же году сообщил рецензию о «Преступлении и наказании» писатель и критик Йеньё Миклош (Miklós Jenő, 1878–1934), в журнале *Érdekes Újság* («Интересная Газета»). Он писал рассказы импрессионистической тональности, а в литературном круге журнала «Ньюгат» встречались его работы с уважением. В стиле рецензии также чувствуется импрессионистическая тональность, присущая рассказам автора. Как он «пересказывает» содержание романа, действительно получается своего рода рассказ, но автор не упускает из виду самые важные философические мысли, пронизывающие произведения Достоевского. В центре внимания Миклоша стоит образ Раскольникова, как мы видели это у других, вышеупомянутых критиков и писателей. Повторяется и мнение, звучавшее часто в кругах интеллигенции на рубеже двух веков: религия Достоевского – это религия страдающих, религия самопожертвования и сострадания, его образы – трагичны и святы. Вера писателя в будущее России осуществляется, ибо Россия принесет «добрую весть», евангелие, утешение для страдающих, бедных людей. Автор заканчивает статью с утверждением: Достоевский был святым и видел далеко в будущее.

Эти две последние статьи являются интересными документами ожиданий и надежд представителей т. н. демократических и социалистических духовных веяний. В универсализме Достоевского они действительно верно почувствовали евангельскую основу, то новое слово, которое может возродить человека. Но история пошла своим путем и коммунистические (книжные) идеи превратились в страшную действительность, из идеала универсальности любви вышел униформизм мышления, господство ложных идей и мир страха. На земле вместо «Божьего царства» победил двойник, т. е. великий инквизитор и Антихрист (ссылаясь на знаменитые образы Достоевского и Владимира Соловьева). В 1920–1930-е годы эти же философические размышления появляются и у некоторых венгерских филологов, писателей и богословов, пишущие серьезные и глубокие исследования и эссе о Достоевском [ДУККОН 2007]. В настоящей статье мы старались показать те общие мысли и мнения о русском писателе, которые были адресованы к более широкому кругу читателей и ориентировали литературное восприятие по актуальным тенденциям культуры и жизни.

Библиография

- BLOME, Astrid. 2000: Die Zeitung als historische Quelle. Ein Beispiel aus dem petrinischen Rußland // Zeitung, Zeitschrift Intelligenzblatt und Kalender. Beiträge zur historischen Presseforschung. Hrsg. A. BLOME, Edition lumière Bremen. 161–177.
- BRÓDY Sándor. 1900: Bródy, Az orosz Shakespeare // Fehér könyv I. k., a szerző kiadása [Bródy, S. The Russian Shakespeare // White Book, vol. I. Edition of the Author] 111–128.
- DOSTOJEWSKI 1882: Raskolnikow. Deutsch von Wilhelm Henckel. Leipzig.
- DUKKON Ágnes 2021a: Gondolatok a magyarországi Csehov-recepció kezdeti szakaszáról // Kultúrák és médiumok párbeszéde. Anton Pavlovics Csehov, szerk. REGÉCZI Ildikó, Debreceni Egyetemi Kiadó – Didakt Kiadó [Reflections on the First Period of Chekhov's Reception in Hungary // Dialog of Cultures and Media. Anton Pavlovich Chekhov, ed. by Ildikó REGÉCZI, University Publishing House – Didakt] Debrecen, 197–207.
- FRÖLICH, David 1631: Schreibkalender auff das Jahr 1631 [...] von David Frölich, Breslau, typ. Baumann, Országos Széchényi Könyvtár [National Library Széchényi], Budapest, RMK III. 1464.
- HERBERSTEIN, Sigismund 1549: Rerum moscoviticarum commentarii, Viennae, Johann Singriener, 1549 [Herberstein, S. Notes on Muscovite Affairs, Viennae, Johann Singriener]
- HEVESI Sándor 1897: Raskolnyikov // Magyar Szemle, 1897. aug. 15 [Hevesi S. Raskolnikov // Hungarian Review, 05. August 1897] 386–388.
- JUSTH Zsigmond 1977: Justh Zsigmond Naplója és levelei, Szépirodalmi Könyvkiadó, Budapest [Diary and Letters of Zsigmond Justh, Literary Publishing House, Budapest].
- KOSZTOLÁNYI Dezső 1921: Sztjepancsikovo és lakosai // Nyugat, 1921. I. köt. [Kosztolányi, D. Stepančikovo and its Inhabitants // Nyugat/West, 1921, vol. I.] 82–84.
- SOLYMOSSY S. 1888: A „Raskolnyikov” írója. // Dosztojevszkij M. Tódor: „Raskolnyikov”. Regény három kötetben. Ford. Szabó Endre. Budapest, Singer és Wolfner kiad. // Fővárosi Lapok, 1888 nov. 7. 308. sz. [Sándor Solymossy, The Author of „Raskolnikov” // Dostoevsky M. Todor, „Raskolnikov”. Novel in three volume. Transl. by Endre SZABÓ, Budapest, Publishing House of Singer and Wolfner // The Journal of the Capital, 7th Nov. 1888, nr. 308] 2257–2260.
- THUN, A. 1884: A nihilisták (Az orosz forradalmi mozgalmak története). Ford. SZENTGYÖRGYI VÖRÖS Dezső, Budapest, 1884. [The Nihilists. (History of the Russian Revolutionary Movements). Transl. by SZENTGYÖRGYI VÖRÖS Dezső, Budapest]
- Ujj Kalendarium 1711-re. Komárom, typ. TÖLTÉSI István. MOL, P 566. cs. XLIII/a, E₆b. [New Calendar of the Year 1711, Printing office TÖLTÉSI István, MOL, P 566. cs. XLIII/a, E₆b.]
- VOINOVICH, G. 1904: Dosztojevszkij. Előszó // Dosztojevszkij: Bűn és bűnhődés. Klasszikus regénytár. Ford. Szabó Endre, Budapest, Révai Testvérek Kiadó, 1904, I–VI. [Voinovich, G. Dostoevsky. Preface // Dostoevsky, Crime and Punishment. Classical Novels. Transl. by Endre SZABÓ, Budapest, Publishing House of Révai Brothers]
- ZÁGONYI, E. 1982: Kosztolányi *Három nővér*-fordítása // Irodalomtörténeti közlemények 1982/1 [E. Zágonyi, Translation of the Drame *Three Sisters* of Chekhov by D. Kosztolányi // Publications of the History of Literature 1982/1.] 76–91.
- ZRÍNYI Miklós 1985: Az török áfium ellen való orvosság // Zrínyi Miklós Prózai Művei, szerk. KOVÁCS Sándor Iván, Zrínyi Katonai Kiadó, Budapest, 1985 [M. Zrínyi. Antidote against the Turkish Opium // Prose Works of Nicolaus Zrínyi, ed. by KOVÁCS, S. I., Publishing House of Zrínyi Military Academy, Budapest]

- ДУККОН А. 1998: Российская тематика в одном календаре XVII в. и некоторые вопросы изучения творчества Зриньи // *Studia Slavica Hung.* 43 (1998) [Russian Theme in a 17th century Calendar and some Questions to the Studies of Zrínyi's Works] // *Studia Slavica Hung.* 43]: 251–264.
- ДУККОН А. 2006: Русские темы в старых венгерских календарях // *Dissertationes Slavicae, Sectio Historiae Litterarum XXIV*, Szeged, 2006 [Agnes Dukkon. Russian Topics in the old Hungarian Calendars // *Dissertationes Slavicae, Sectio Historiae Litterarum XXIV*, Szeged, 45–48.
- ДУККОН А. 2007: Рецепция Достоевского в Венгрии в 1920–40-е годы в ключе экзистенциальной философии // *Studia Slavica Hung.* 52/1–2 (2007) [Reception of Dostoevsky in Hungary between 1920–1944 from the perspective of the Philosophy of Existentialism // *Studia Slavica Hung.* 52/1–2] 87–94.
- ДУККОН 2021b: Дуккон, А. Культурное и философско-эстетическое значение творчества Ф. М. Достоевского в жизни венгерской интеллигенции 1920-х гг. // *Достоевский. Материалы и исследования 23*, ред. К. А. БАРИШТ, Н. Ф. БУДАНОВА, Нестор-История, Санкт-Петербург [Cultural, Philosophical and Aesthetic Importance of F. M. Dostoevsky's works in the life of the Hungarian Intellectual Class // *Dostoevsky. Materials and Investigations 23*, Nestor-Istoria, Sankt-Petersbourg] 262–280.
- ЗЁЛЬДХЕЙИ-ДЕАК Жужанна 2004: Роль немецкого посредничества в венгерской рецепции русской литературы (XIX век). *Vorträge und Abhandlungen zur Slawistik*, hrs. von Peter THIERGEN (Bamberg), Verlag Otto Sagner, München. [The Role of the German Intermediation in the Hungarian Reception of the Russian literature (19th Century). *Vorträge und Abhandlungen zur Slawistik*, hrs. von Peter Thiergen (Bamberg), Verlag Otto Sagner, München]

Агнеш ДУККОН
Университет им. Лоранда Этвеша
Институт славянской и балтийской филологии Будапешт, Венгрия
dukkonagnes@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0833-9263

